

Первое впечатление, которое он производил, было зрелость. Пара чёрных зрачков была бездонно глубокой, лицо спокойным, без улыбки, создавая ощущение, что даже если гора Тайшань обрушится перед ним, выражение его лица не изменится. Только в следующий момент понимали, что этот молодой человек обладает прекрасной внешностью — молодой, красивый, в костюме и ботинках.

Конечно, сейчас в старом особняке, где он вырос, ему совершенно не нужно было быть таким серьёзным. По крайней мере, по отношению к этому маленькому дяде, который был моложе его на два года и обладал слабым здоровьем, в его глазах сквозила тёплая мягкость.

— Юный господин, что делает маленький господин наверху? Спускайтесь завтракать, — снизу вверх посмотрела служившая старому господину матушка Чжан.

Два человека посмотрели вниз, только чтобы обнаружить, что старый господин уже сидел на нижнем месте, встряхнул газету и начал читать. — Только завтрак, стоящий перед ним, оставался нетронутым.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись, спускаясь вниз вместе.

— Папа.

— Дедушка.

— Доброе утро.

Взгляд старого господина сквозь очки для чтения прищурился, осматривая их, сквозь него проглянула близость, газета сложилась с чистым и звонким звуком.

— Сяо Шу, подойди поближе.

— Ага. Хань Сю оттащил стул, собираясь перенести его в сторону, но шедший сзади Гу Паньчэнь уже на шаг опередил его, одной рукой легко приподняв и бесшумно поставив стул сбоку, не издав ни звука.

— Спасибо, — тихо сказал Хань Сю.

Гу Паньчэнь посмотрел на него, ничего не сказав.

Старый господин, казалось, был в настроении поболтать, он внимательно посмотрел на младшего сына перед собой, выдав удовлетворённую улыбку:

— Неплохо, сегодня цвет лица Сяо Шу хороший, видно, тот благовоний, который матушка Чжан зажгла тебе вчера вечером, действительно подействовал.

Хань Сю слегка улыбнулся. Даже перед родственниками Гу Ваншу всё ещё оставался застенчивым и стеснительным, к счастью, его родные искренне его любили, поэтому даже малейшие колебания в эмоциях они могли чувствовать, особенно Гу Паньчэнь, который был особо чувствителен.

Завтрак прошёл не спеша, на фоне тёплого зимнего солнца, создавая весёлую и дружелюбную атмосферу.

Когда Хань Сю поел, по правилам он должен был подняться наверх и спрятаться в своей комнате.

Но сейчас он не очень хотел этого делать. Ведь ему в любом случае нужно было попробовать сделать какие-то изменения, не так ли?

Конечно, если он хотел гарантированно выполнить задание, то что касается Гу Ваншу, то достаточно было, чтобы после того неприятного происшествия Хань Сю смог удержать себя от поиска смерти, и тогда при старом господине в доме Гу, как бы то ни было, всё не пошатнётся так сильно за такое короткое время, как в оригинальном сюжете.

Но поступать так было слишком пассивно. Хотя Хань Сю и был трусливым *créature*, умеющим прогибаться, это не означало, что он не будет искать по возможности благоприятную для себя ситуацию.

Кроме того, выполнив столько заданий, он уже считался опытным мастером и, естественно, имел своё понимание того, что такое «успешный переворот». На этот раз, приехав в этот мир, помимо своего личного желания снова посетить старые места, не стоит забывать, что он также хотел, пользуясь возможностью находиться в мире современной технологической цивилизации, попробовать несколько разных жизненных моделей.

Например, в этом задании простая до монотонности жизнь Гу Ваншу явно указывала ему направление.

Семейное счастье и обильный урожай в карьере.

Потому что мир Гу Ваншу был очень чистым, кроме родственников, была только фотография.

Он невольно опять вспомнил прежнего Шэнь Бинхэ, тоже такого мягкого и довольного ребёнка. Запиравшего себя в маленьком мире, где кроме старшего брата было только его маленькое хобби.

Между Шэнь Бинхэ и Гу Ваншу было похоже, словно просто переключились с древности на современность, между ними было много общего.

Даже их погоня за эстетикой была поразительно похожей.

Только Гу Ваншу получил систематическое образование и, объединив его с личным талантом, мог прямо попадать в сердца ценителей.

А искусство Шэнь Бинхэ было полным проявлением личного таланта, созданные им картины были всегда сочетанием этого мира и того прекрасного рая в его глазах, ты не мог сказать, какая именно точка тебя поражает, но просто не мог отказаться от этого в сердце.

Но если говорить о чистом таланте, возможно, Шэнь Бинхэ даже превосходил.

= =

Хань Сю только что положил палочки, как рядом передали сложенное в аккуратную стопку горячее полотенце.

Он замер, взял его из ладони Гу Паньчэня и вытер каплю масла от суповой булочки, только что застывшую в уголке рта.

В сердце что-то промелькнуло: в воспоминаниях Гу Ваншу такие сцены происходили немало раз. Из-за *introverted* характера Гу Ваншу, если вещи лежали чуть дальше, он бы не стал к ним

тянуться.

Например, горячее полотенце за завтраком лежало на той стороне, что была ближе к Гу Паньчэню, если бы он хотел взять его, то неизбежно пришлось бы перетянуться через Гу Паньчэня, действие, которое Гу Ваншу точно бы не сделал, чаще всего Гу Паньчэнь первым остро чувствовал и помогал Гу Ваншу сделать это.

В воспоминаниях Гу Ваншу такие действия были просто привычными.

Такая степень близости, конечно, была намного более детальной, чем к невесте Фань Цинцин.

Однако это было как раз тем, что старый господин любил видеть, нет, следовало сказать, именно тем направлением развития, которого ожидал старый господин.

Старый господин рано обнаружил, что его другие три сына possessed limited talents, могли помочь друг другу охранять, но чтобы сжать весь дом Гу в кулак и даже достичь более высоких достижений, было невозможно.

Поэтому он специально с детства начал воспитывать старшего внука, забрав его в старый особняк для тщательного обучения.

И жалея о проблеме с телом младшего сына, везде думал о нём, даже прокладывал ему дорогу, позволяя ему вместе с внуком, который в будущем унаследует семейное дело, расти вместе и воспитывать чувства.

Да, сначала Гу Паньчэнь выращивался как наследник. Однако когда он учился за границей на MBA, он ни слова не сказав, перевёлся на режиссёрский факультет. Когда семья Гу узнала, он уже прислал обратно диплом MBA и пачку VIP-билетов на премьеру своего дебютного фильма внутри страны.

Дебютный фильм, не использующий никакого имени дома Гу, но эта работа жестоко прошла проверку текущего Венецианского кинофестиваля и даже получила номинацию на лучшую режиссуру. Хотя из трёх больших европейских кинофестивалей Венеция более высока по степени принятия нишевых и новых фильмов, технический порог ниже, но всё же это один из трёх больших!

Это событие напрямую подтвердило беспрекословный режиссёрский талант Гу Паньчэня. После того как Гу Паньчэнь раз за разом обещал старому господину «до тридцати пяти лет привезти „Оскар“, иначе послушно унаследую семейное дело», «совершенно не брошу учёбу» и так далее, в конце концов, любящий старого господина внука старый господин беспомощно согласился на его «не по-настоящему занятие», и мягкосердечно помог создать внутри страны развлекательную компанию.

Что касается этой развлекательной компании, которую в семье Гу считали занятием для забавы, то после того как на неё повесили табличку [Корпорация Гу], какой подземный толчок она вызвала внутри развлекательного круга — это уже другое дело.

В общем, отношения в семье Гу были очень хорошими, но можно сказать, что Гу Паньчэнь и Гу Ваншу, дядя и племянник, были близки по возрасту и вместе росли с детства, поэтому отношения были особенно congenial.

Если так подумать, Гу Паньчэнь вырос не по годам, с детства его учили заботиться о здоровье маленького дяди, а также следовать за дедушкой в учёбе, естественно, было трудно

вложить много мыслей в Фань Цинцин. Кроме того, с возрастом Фань Цинцин, с приходом юности, она стала очень чувствительна к своему статусу «приёмной дочери» и «невесты старшего господина», эта сильная девушка воспользовавшись предложением учёбы в университете, постоянно жила в общежитии, редко возвращаясь.

Старый господин хотя и был недоволен, но как участник события Гу Паньчэнь не возражал, он также ничего не сказал. Только думал, когда Фань Цинцин станет более зрелой, естественно всё наладится.

Поэтому то, что Фань Цинцин жаловалась Чжу Фэйхуну, что жених не заботится о ней, действительно имело некоторые основания.

Думая о своих мыслях, Хань Сю незаметно просидел до того, как старый господин допил утренний чай, всё ещё не покидая места.

Гу Паньчэнь посмотрел на него, сквозь заботой:

— Дядя, у тебя дело?

— Нет... Просто... Дома сидеть немного долго...

Гу Паньчэнь улыбнулся:

— Тоже верно, дядя всё время сидит в комнате, хотя сейчас интернет удобен, но так для тела тоже нехорошо. — Он подумал. — Учитель фотографии дяди два дня назад сказал, что ему больше нечего тебя учить, видно, дядя уже вышел из учеников, в будущем какие планы?

Хань Сю смотрел на него, не говоря ни слова.

<http://bllate.org/book/17715/1655508>